

СОЛДАТОВ
ОЛЕГ
БОРИСОВИЧ

ДУХИ ТУРГОАКА СЯЗЫ ВЕРЫ

КНИГА ВТОРАЯ

Олег Соломатов

Духи Тургояка.
Сказы Веры. Книга вторая

«Издательские решения»

Соломатов О. Б.

Духи Тургояка. Сказы Веры. Книга вторая / О. Б. Соломатов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508566-5

Духи Тургояка. Сказы Веры — это вторая книга из трилогии романа-фэнтези Духи Тургояка. Она стала естественным продолжением «путешествий» главного героя трилогии — подростка Игоря. Попадая в неординарные ситуации, он познает новые грани общечеловеческих и межличностных отношений, а так-же знакомится с удивительными людьми, приоткрывающими завесы некоторых тайн, связанных с озером Тургояк и его обитателями.

ISBN 978-5-00-508566-5

© Соломатов О. Б.
© Издательские решения

Содержание

Духи Тургояка. Сказы Веры	6
Пролог	6
Погружение в семидесятые...	9
Летние каникулы. «Кругосветка»	17
Лагерь. Новый поход	19
Заозёрный	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Духи Тургояка. Сказы Веры Книга вторая

Олег Борисович Соломатов

© Олег Борисович Соломатов, 2019

ISBN 978-5-0050-8566-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-8567-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Духи Тургояка. Сказы Веры (Книга вторая)

Пролог

Середина февраля. Морозы до минус тридцати восьми. Метет, и от этого создается ощущение, что за оконным стеклом твоей панельной квартирке больше пятидесяти градусов мороза. Даже на внутренних стеклах европакета намерзает тонкий слой льда. Батареи жарят кухонный воздух на полную катушку. Комнатные растения сохнут на глазах при такой пониженной влажности воздуха.

Звонок сотового телефона прерывает тишину кухни. Веселый голос близкого друга из далекого заснеженного Сургута сообщает, что в его графике проектно-строительных работ «образовалась брешь» и он с семьей на неделю едет в Миасс навестить родственников. Обязательно свяжется с нами уже на месте, чтобы по традиции организовать совместную поездку на какой-нибудь местный горнолыжный курорт, пострелять в пейнтбол среди сугробов и заваляться толпой в сауну на берегу Тургояка с купанием в проруби.

Вновь тишина. Мысленно представляю себя в виде обдуваемой со всех сторон замороженной сосульки на вершине ГЛК «Завьялиха». Как-то не очень хочется в такой мороз на гору с лыжами. Вот в сауну с прорубью – это да, чем холоднее на улице, тем приятнее в воде. На какое-то время информация забывается, но через пару дней – повторный звонок... Уже из соседнего района города, а не из Ханты-Мансийского автономного округа. Всё тот же веселый голос сообщает, что завтра пятница и чтобы мы ждали гостей вечером. Встреча проходит, как всегда, весело. Небольшое застолье. Вечер пролетает незаметно за разговорами о детях, работе, увлечениях и обсуждении мировых политических и экономических новостей. Ну прямо всё как и десять, и тридцать, и сто лет назад... Кухонные разговоры всегда об одном и том же.

А потом шумною толпою, собрав кучу друзей, взяв детей и племянников, привязав на багажники нескольких автомобилей сноуборды и прочее горнолыжное снаряжение, колонна движется по заснеженной трассе М-5 в сторону – чуть левее Трёхгорного, в направлении выбранной вершины с восьмиместным фуникулером, пятью трассами, кучей кафешек, разделок и шашлыками под открытым бездонным морозным небом Южного Урала. На удивление в день поездки мороз ослабевает, и красный столбик останавливается на отметке всего минус двадцать восемь! Это разве холод для уральцев и сибиряков? «Завьялиха» – место, где отдыхается не только телом, но и душой. На вершине деревья в толстых снежных шубах создают впечатление, что попал в древнюю сказку. День провели на отлично.

ГЛК «Завьялиха», подъёмник.

На следующий той же компанией ранним утром закатываем на пейнтбольное поле. Тут свои особенности игры на морозце. От дыхания стёкла защитных масок запотевают, и после пяти вдохов-выдохов перед глазами только белая полоса прилипшего к стеклу дыхания. Все бегают от укрытия к укрытию, как полуслепые котята. Приходится постоянно у организаторов просить баллончик с жидкостью, защищающей стекла от запотевания, но и она не спасает надолго. Вымазав команду противника зелеными шлепками, заработав по несколько синяков на теле от замерзших на морозе патронов-шариков с краской и получив очередной заряд бодрости на неделю вперед, после обеда едем на «Форельку», небольшую базу отдыха на берегу озера Тургояк, где нас уже ждет прогретая сауна и почищенная прорубь.

Люблю я именно эту прорубь и именно на этой базе. Отделение для отдыха и, собственно, сама сауна – в двух десятках шагов до поручня и ступеней, уходящих в темную глубину ледяных вод Тургояка. Но это только на первый взгляд всё так страшно и холодно. Когда делаешь шаг навстречу своим внутренним первобытным страхам, первое, что выключается, так это чувство нестерпимого холода. Особенно, когда вышел разогретым из сауны. Второй шаг – это заставить себя впервые опустить ногу на ступень под водой и почувствовать то, чего ты еще никогда не чувствовал. Но по мере погружения приходит понимание того, что это совсем не страшно и вовсе не холодно. Усилием воли можно постараться отключить нервные окончания под кожей, отвечающие за ощущение холода. Просто забыть, что он существует в твоём восприятии. После того, как встал на предпоследнюю ступень, а вода поднялась чуть выше пояса, наступает третий шаг навстречу своим страхам, и ты либо резко приседаешь, погружаясь с головой в воду, и цепко держишься за поручни, либо разворачиваешься на сто восемьдесят градусов, плавно отталкиваешься от ступени и, вытянув руки вперед, изображая торпеду, плывешь пару метров к противоположной стороне проруби, где тоже ступени и поручни для выхода из воды.

База отдыха «Форелька», зимняя прорубь...

А дальше начинается чудо! Тело горит! Жар исходит изнутри и распространяется не только на тебя, но и на расстояние вытянутой руки. Облако пара окутывает тело, как будто кто-то плеснул воды на горячие камни в бане. Ощущение такое непередаваемое, что окружающие отдыхающие, следившие за твоими предыдущими действиями в сторонке, поднимают повыше воротники, поглубже нахлобучивают шапки и вертят у виска. Тапки примерзают к поверхности льда, волосы после окунания уже замерзли, как ирокез у панка, а тебе хочется, распластав руки, еще постоять на свежем воздухе, взять фотоаппарат и запечатлеть остальных купальщиков. И пусть на улице минус двадцать семь, ведь в воде озера – целых плюс четыре! Жара фактически.

Вот и сегодня такой насыщенный событиями день. Утром стрельбы на морозе, сейчас – контрастные ванны. Выгружаемся, переодеваемся, накрываем поляну, периодически сачком отгребаем лед, быстро намерзающий на поверхности проруби, и из сауны гуськом в прорубь, потом снова в сауну, потом горячий чай с травками, очередными кухонными байками – и процесс повторяется по кругу. После седьмого круга уже стемнело... Оплаченное время закончилось, и мы расплзаемся по машинам, в последний раз дав сигнал отхода по клаксону, разъезжаемся по своим квартирам.

За эти два дня заряд внешней энергией был максимальным. Спать совсем не хотелось. Прокрутившись в постели часа полтора, я встал, выпил родниковой воды из кулера и, подойдя к оконному подоконнику на кухне, уперся взглядом в толщу ночного воздуха за стеклом. Мимо окна начали пролетать крупные пушистые снежинки. Похоже, мы находимся на стыке двух фронтов воздуха, между зонами повышенного и пониженного давления. На таких границах обычно идет дождь или снег. Вот и я вместе со снежинками оказался на передовой такого вот фронта. Тишина ночной квартиры прерывалась только булькающими звуками шумящей горячей воды в батареях. Разогнанная теплом и холодом внутренняя энергетика заполняла тело всё выше и выше, а когда она достигла горла, я мысленно представил, что еще немного выше – и я захлебнусь. Но неожиданно случилось другое: в голову хлынул поток очередных воспоминаний прошлого. Он был такой яркий и подробный, что я замер на месте и боялся спугнуть его естественный равномерный ход...

Погружение в семидесятые...

...За окном летел пушистый снег наступившего 1978 года, создавая на подоконнике за моим окном легкую, воздушную вату. Я лежал в своей кровати и одним глазом косился на этот рыхлый слой кристаллов, изредка переводя взгляд на телевизор в углу, по которому шел очередной советский фильм про нашу доблестную милицию, всегда раскрывающую самые запутанные преступления. Почему одним глазом? Да потому что на втором выскочил ячмень, от которого глаз отек, а в точке нарыва токало, как будто внутри сидел кто-то и равномерно забивал микрогвозди в мое воспалившееся веко.

Как это обычно бывает, вчера до изнеможения катался с друзьями на катке. Разгоряченный, мокрый от пота и с расстегнутой верхней пуговицей куртки, так что, по выражению моей бабушки, было «горло на голе», ну а потом «укатанный» поплелся до дома. Коньки снимать не хотелось, вот всю дорогу и шагал по краям сугробов, чтобы ноги от усталости не подкашивало, а сегодня с утра вот результат: глаза не видно. Лежал я и думал: почему я не могу вспомнить ни одного фильма, где у главных положительных героев не получается выполнить задуманное жизнеутверждающее дело из-за болезней, которыми часто болеют обычные граждане Советского Союза. Ни разу эти киношные герои не жаловались на недомогание, ни разу Штирлиц не появился у Мюллера с фурункулом на глазу, хотя в Германии сырой климат и шпион-разведчик, попавший из другого климатического пояса, обязательно должен испытывать подобные непредвиденные воспаления на теле. Так я рассуждал, когда косился здоровым глазом то на снег за окном, то на экран телевизора.

А может быть, настоящие герои совсем не болеют, и даже когда их ранят в плечо или ногу, делают себе перевязку и через пару минут, словно забыв о боли, бегают, как ни в чем не бывало, пока не победят врага. А уж о болях живота от немытых продуктов или о зубной боли от кариеса в фильмах ни слова! Враг – вот тот совсем больной, и подчас герой даже жалеет его, когда узнаёт, что хоть убивай его, хоть не убивай – всё равно помрет. Но по сюжету враг даже в предсмертных муках, даже в последнюю секунду своей никчемной жизни, пытается навредить герою.

Я откинулся на подушку и задумался. Герой – он, значит, положительный и, соответственно, его должны оберегать какие-то высшие силы от таких мелочей, как ячмень или понос. А если у меня он выскочил, значит, либо я не гожусь в категорию героев, либо высшие силы не помогают мне за мелкие шалости, которые я иногда делаю без всякого злого умысла. Тогда я решил вспомнить последние из таких шалостей, чтобы попытаться исправиться и больше не повторять подобного, а заодно и проверить, повлияет это на здоровье или нет. Мозг стал перебирать последние дни и недели из ближайшего прошлого. Но когда я задавался вопросом, что является точкой отсчета при разделении на «что такое хорошо и что такое плохо», то никак не мог найти этот самый ноль.

Вот не выучил я в музыкальную школу к очередному уроку специальности заданный кусок произведения, но ведь при этом принес из колодца воды для приготовления мамой обеда. Кто в четырнадцать лет холодной зимой целый уличный квартал коромыслом таскал по два полных десятилитровых ведра с водой на худых, даже, скорее, костлявых плечах, тот понимает, что грех невыученных уроков искуплен сполна и даже с излишком. Ну, сбегали мы всем классом с уроков на просмотр фильма «Молодая гвардия» в соседствующий со школой кинотеатр «Энергия», но ведь при этом весь класс теперь мог на пятерки по литературе отвечать, когда это произведение рассматривалось в школьной программе, и смотрели-то мы фильм про героев-молодогвардейцев, а не комедию какую про тупых и недалеких недоумков. Значит, брали пример с героев и хотели быть на них немного похожими. Вот и получается: точно не знает никто и не может объяснить, где проходит эта настоящая граница между добром и злом

и как отделить жадность от экономии, игнорирование одного ради достижения другого, а чувство самосохранения – от предательства.

Что вообще это такое – предательство? Вот перебирали мы как-то утром морковку на овощной базе всем классом, а напротив нас, по другую сторону морковных куч, сидели такие же, как мы, ребята и девчата из другой школы, а значит, и из другого района города. Среди наших вдруг поползли разговоры, что нужно поколотить немного «туземцев» из-за пруда, именно там стояла их школа. Я не стал задерживаться после этой переборки овощей около остановки автобусов и колотить никого не собирался. Каждое лето мы в лагере собирались со всех школ города и дружно проводили время. С чего вдруг я должен драться сейчас с такими вот потенциальными друзьями? Тем более что нужно было не опоздать на урок в музыкальную. Сел в автобус и спокойно уехал, а когда во вторую смену пришел в школу, вся одноклассная братия залетела на первый урок во взбудораженном состоянии. Почти у каждого на теле была отметина после недавнего боя. У некоторых фингалы под глазами, у кого шишки на лбу, синяки на теле. Пара человек вообще не пришли в школу. Все бурно обсуждали, какая была мощная драка, как они надавали «варягам» и даже девчонки участвовали в побоище. А вот тех, кто не участвовал в драке, а таких набралось пятеро, объявили предателями и всячески пытались обвинить в трусости.

Конечно, было обидно, что вот так ни за что ни про что объявили предателем. Но предателем чего? Того стадного чувства, когда все бьют и я буду, не разбираясь в причинах. Только потому, что они из соседнего района города. А объяснение простое: у многих одноклассников есть старшие братья, сестры, дядьки и тетки, и все они раньше точно так же дрались, и это наследственное, а у одноклассничков кипит кровь предыдущих поколений, живших в жестких условиях средневекового выживания. Просто бить за то, что кто-то на кого-то криво посмотрел и что-то обидное ответил на складе овощной базы. Хотя я точно видел, что наши задирались первыми, кидая в «варягов» крупными морковками и норовя попасть в них побольнее. Да и, по большому счету, бились-то все на «чужой земле», у базы, которая находилась на нейтральной территории, не в нашем и не во «вражеском» стане, а совсем далеко, в шести автобусных остановках езды от нашего места сбора у школы.

Мне вспомнилось подобное поведение бабушкиных цыплят, недавно вылупившихся и сейчас живущих в большой картонной коробке из-под телевизора. Они были такими милыми желтыми комочками, пока у одного из них не поранилась лапка и не пошла кровь. В одночасье все превратились в каких-то мелких монстриков, заклеывающих раненого. Каждый сосед норовил посильнее клюнуть в ранку, откуда всё сильнее и сильнее начала течь кровь. Видимо, она своим цветом напоминала им о красных червячках, но откуда они могли о них знать, ведь только родились и кроме коробки ничего не видели. Если бы не бабушка, вовремя отсадившая истекающего кровью малыша, его бы точно заклевали до смерти. «Стадный инстинкт», — тогда сказала она. Чего с них взять, одно слово – животные. Вот и сейчас я чувствовал, что в классе сработал тот самый стадный инстинкт, когда при переборке овощей наш забияка кинул «варягу» напротив в голову морковью, тот ответил морковкой побольше, тут же подключились и наши, и их товарищи, вот и понесся «махач».

В общем, обида обидой, а своему внутреннему принципу мирного сосуществования с соседями по району я не изменил. А еще я очень любил в школе предмет биологию и читал всё подряд на эту тему. Сейчас вот вспомнил статью в одном умном журнале, где писалось, что в людях от общих с обезьянами предков нам достался стадный инстинкт, по которому у молодых самцов в период окончания детства и вступления на первую ступень иерархической социальной лестницы срабатывает программа расселения. По-другому – захвата соседних территорий и самоутверждения на них. Вот, получается, и воюем: двор на двор, район на район, школа на школу, показывая тем самым, что мы не очень-то далеко ушли от этих общих предков и их дикие инстинкты давят на наши еще несформированные мозги.

Предателями для драчливых одноклассников мы были недолго. Все те, кому в классе что-то срочно надо от другого по учебе, забывают о внутренних неурядицах, и делая вид, что ничего не было, продолжают общаться, как ни в чем не бывало. А так как в драке не участвовали только ударники и отличница, а у них иногда надо было попросить написать невыполненное домашнее задание, так вот ради этого всеобщего блага, снисходящего на переменах, все задиры и их сотоварищи быстренько забыли про то самое предательство, про овощную базу и про всё, что с ней связано.

Такие вот философские думы обуревали мою голову с опухшим, воспаленным глазом. В это время в комнату вошла мама, подала носовой платок и только что отваренное вкрутую куриное яйцо. Это был один из народных способов лечения ячменей: через наложенный на глаз платок прикладывалось горячее яйцо и, медленно остывая, прогревало воспаление. Греть таким образом, с одной стороны, было вредно из-за того, что процесс ускорялся, а с другой, старики говорили, что так быстрее созреет, а значит, и пройдет за более короткий срок, не успев распространиться на соседние участки. Ощущение горячего яйца на воспаленном месте немного щипало, но отвлекало от боли, и внутри переставали забивать гвозди в веко. Я расслабился, из полусидячего принял лежачее положение и закрыл второй глаз.

Тепло разливалось по кровеносным сосудам и уходило в глубины тела. Да, как хорошо не болеть. Когда человек совершенно здоров, он не замечает и, соответственно, не ценит того времени, которое дается ему для получения знаний, творчества, повышения выносливости, общения с другими, а как только выскочит на глазу такая вот мелкая фигня, так знания не получишь, книгу не считаешь, творчества ноль, с болью и «косоглазием». Спортом тоже не займешься, еще больнее становится, с другими общаться – вообще облом. Придут пацаны и только ржать будут над моим кривым взглядом, пусть даже незлобно, всё равно обидно. А уж перед девчонками так совсем никак.

Пока размышлял – заснул и выронил яйцо, а потом, повернувшись, еще и раздавил плечом. Что характерно, народное средство всегда реально помогало и простуда на моем глазу, не успев достичь максимума, усыхала, рассасывалась. Так случилось и в этот раз. Через пару дней я уже был готов к новым хоккейным подвигам в коробке с сотоварищами.

Еще за окном лежал снег и до первых проталин было далеко. Это обстоятельство играло за то, чтобы в ближайший выходной сговорить родителей пойти кататься на лыжах. Воскресные прогулки для нашей семьи были делом обычным. Чаще всего мы брали комплекты лыж и от самого дома катили по давно протоптанной лыжне к окраине города. Это занимало минут пятнадцать. Дальше двигались в сторону ветлечебницы уже по пустырю, переходящему в сосновый лес. И уже за ней начинались горки, по которым мы часа два гоняли. Были и низкие, и высокие, и с поворотом, и с трамплином. Начинали с самых легких, а заканчивали самой сложной в конце нашей трассы. Но в этот раз отец сказал, что его записали на лыжные соревнования от цеха и он предлагает поехать вместе на место старта со своими лыжами, а после окончания забегов просто прогуляться там же, пофотографироваться.

Ехать пришлось с пересадками из старого города до автозавода, а там на другом автобусе до поселка Тургояк. Если честно, я практически не попадал на озеро зимой, а только летом, когда посещал загородный лагерь. Для меня весь бело-ледяной вид озера представлял величественную картину с острыми заснеженными вершинами окружающих хребтов, ледяными торосами вдоль береговой линии. На просторах прозрачно-ледяного озерного панциря свободно гулял ничем не удерживаемый ветер с поземкой, который насквозь пронизывал любого своего посетителя.

оз. Тургояк, вид с берега на Заозёрный хребет, зима.

У прибрежных скал меня ждала еще одна сказочная картинка в виде причудливых сосуллек, равномерно свисающих у кромки льда с камней. Слипаясь между собой, они создавали впечатление этакой хрустальной юбочки. Их форма была совсем не похожа на обычные сосульки на крышах домов. Больше они напоминали застывшие огромные капли, как последний всплеск волны на берег перед последующим замерзанием. Или как замерзшие слёзы на глазах скал. В лучах солнца они переливались всеми цветами радуги и поднимали настроение.

Пока мы в роли зрителей наблюдали за стартами заводских команд, мама налила из термоса горячего чая и сунула в руку бутерброд с колбасой. Лыжники уходили группами вдоль берега, потом сворачивали в лес и обратно возвращались уже по нему, выкатываясь перед финишной прямой с ближайшей горки обратно на берег. Кто там и чего занял из призовых мест, я даже не понял, так как учитывались данные в личном зачете. Отец принял участие в гонках не из-за высоких показателей, а для массовости, и по очкам находился в середине таблицы. Это его несколько не расстраивало, и вот, как только завершился последний забег, он отдышался, подъехал к нам, тоже попил чая, мы с мамой обулись в лыжные ботинки, пристегнули лыжи, взяли в руки палки и, не дожидаясь объявления победителей и награждения, тронулись по краю озера в сторону «Форельки». Пройдя немного, лыжня резко повернула под углом в девяносто градусов и направилась в противоположную от поселка Тургояк сторону озера, почти через его центр.

Местами снега на поверхности не оказывалось из-за сильных и частых ветров. В таких местах я видел толщу прозрачного льда, под которым разверзалась черная глубина озера. Лишь мелкие трещины говорили о том, что я был на льду, а не в воде. Озеро в этом месте должно было иметь глубину до тридцати двух метров, и, когда я сравнивал полуметровый лед с таким расстоянием до дна, он мне казался тоненьким кожным слоем на огромном теле водяного монстра, готовым в любой момент порваться и поглотить нас в черных глубинах. Но мне почему-то было нестрашно. У меня было стойкое ощущение, что я уже испытывал чувство погружения в эти озерные пучины.

оз. Тургояк, художник-ветер огромной кистью снег пометил...

Через поземку, лед и наст мы продвигались вперед. На небе ни облачка, солнце слепит, отражаясь от снега, временами раздаются странные звуки, напоминающие треск лопнувшего льда. В такие моменты мы останавливаемся, прислушиваемся, потом осторожно продолжаем движение. После очередного треска снег под ногами начинает темнеть, и на глазах пропитывается водой. Мы с бешеной скоростью начали движение по этой хлюпающей поверхности. У родителей глаза, как в сказке «Огниво», размером с чайные блюдца. От лыжных палок в стороны разлетаются брызги. Гонка с ускорением продолжается уже десять минут. Наконец мы выбираемся на сухой лед. Огромное мокрое пятно позади. Перевели дыхание. Оказывается, пока мы боролись за выживание, практически прошли две трети пути до острова Веры. Было решено дойти до него и там остановиться, попить чай с оставшимися бутербродами. Так и сделали. Почти при подходе к берегу острова на одной из торчащих изо льда сухих берез я заметил фигуру человека. Когда подъехали почти вплотную, это оказалась невысокая старушка в стареньком замусоленном тулупе из овчины. Ее редкие седые волосы вырывались из-под кроличьей, такой же потертой, шапки-ушанки на волю и развевались, как флаг на ветру. Она с усмешкой посмотрела на нас и спросила:

– Что, братцы-кролики, испугались озерной водицы? Видела, как вы драпали от центра Тургояка. Думала, лыжи под вами вот-вот загорятся синим пламенем. – При этом она тихонько засмеялась своим сипловатым тоненьким голоском.

Отец сказал, что мы на озере впервые катаемся на лыжах и действительно напугались. На что она пояснила, что озеро, как любой живой организм, дышит. Что во время этого дыхания ледяная кожа вздымается вверх или прогибается вниз, при этом местами лед колется, и через эти трещины начинает сочиться вода. Она натекает поверх льда на несколько сантиметров и замерзает, всё почти так же, как при затягивании ран на теле человека. Никакой лед не ломается на куски и не образуются полыньи, а значит, утонуть в таких местах невозможно, только намочить одежду в момент падения. «Если, конечно, сильно не гневить духов озера», – добавила она, и снова рассмеялась. Мы поблагодарили старушку за консультацию, и тронулись вглубь острова, к тем пещеркам, о которых я рассказывал родителям после прошлогоднего похода. Напоследок обернувшись, мама спросила, как ее зовут и не холодно ли ей сидеть вот так, на ветру, зимой, вдалеке от города и поселка. На что она ответила:

– Уж верно девяноста девять лет кличут меня бабушкой Пелагеей, живу тут рядышком. А сидеть совсем даже не холодно, привыкла к этой озерной погодке. Даже проказник-мороз меня саму боится и не пристаёт. А я уж и ничего, и никого не боюсь. В мире со всеми живу. Вернее будет, доживаю.

И она вновь засмеялась своим старушечьим, скрипучим, как старая сосна голоском. Вдогонку она еще что-то крикнула, но ветер до моих ушей донес только еле разборчивое: «... еще увидимся». А мы тем временем продвигались очень медленно вглубь острова. Снегу было

мало только на самом озере, а в лесу его оказалось отцу выше колен, а мне, соответственно, почти до пояса. Протоптанной лыжни на острове я не увидел. Тишина, одиночество и покой. Редкие крики птичек на солнечной стороне острова, воздух, казалось, остановился. Каждое слово словно звенело, многократно отражаясь от стволов соседских сосен. Рядом над головой стучал дятел, роняя на снег растрепанные сосновые шишки. Огромные снежные лапы свисали с веток подлеска. Проходя мимо, я лыжной палкой задевал нижние, и они с шумом обваливались на землю. Падая, создавали снежное облачко вокруг, и каждый разлетающийся по округе кристалл играл на солнце, как бриллиант, всеми цветами радуги. Кто сказал, что снег белый? Наверно, только тот, кто его не видел так близко, как я. Глядя на заснеженную поверхность вокруг себя под самым носом, я различал все цвета радуги от каждой снежинки. Все вместе они создавали веселую разноцветную картину окружающего мира. Эта картина была сказочно красива, и завораживала мое сознание. Мне казалось, что я плыву в этом разноцветии, являясь с ним единым целым, и это состояние умиротворения я уже когда-то испытывал, это точно! Но где и когда, память не пускала на свой порог. Немного портил идиллическую картину холод, но он был не жесткий, а предупредительный. Словно я залез в чужой огород, и сторож своими покашливаниями предупреждает, что видит меня, что нельзя брать чужого, что вот уже идет на проверку, чтоб уходил восвояси, а то пальнет из берданы...

Подумав о чужом огороде, я вспомнил, как с одноклассником Толиком мы прошлым летом пытались забраться в соседний с его домом огород к одной древней бабушке. Росли у нее там крупные, сочные и очень сладкие яблоки. Были они и у товарища, но мельче и совсем невкусные. И вот мы влезли на каменную стену сарая, у которого надстройка второго этажа и крыша были из досок. Одна стена его была общей с соседским огородом. Мы решили по выступающему каменному краю, держась и перехватываясь за доски второго этажа, пробраться на соседскую территорию, набрать яблок в карманы и тем же путем вернуться. Но, видимо, воровство, оно и в Африке – воровство. Где-то что-то пошло не так или кто-то сверху это узрел, и вот я, стоя на краю каменной стены, пятками на высоте трех метров от грядки с луком, делаю очередной шаг вдоль дощатой стены, перехватываясь левой рукой за соседнюю доску, при этом правой уже отпускаю ту, за которую держусь. Одно мгновение... И я уже парю в воздухе, над моей головой, как пропеллер, вращается доска с ржавыми гвоздями, за которую я только что взялся... В следующее мгновение я уже приземляюсь своим задом в центр луковой грядки, и доска бьет меня по лбу, дополнительно вбивая, как молотком, в рыхлую землю. Толик, шедший за мной, сначала ничего не понимает в происходящем, а когда до него доходит, от смеха тоже спрыгивает со стены. Мое счастье, что гвозди оказались в стороне от места удара. Отделался только отбитым слегка задом и огромной шишкой, первое время напоминающей мне о том, что воровать яблоки из соседского огорода нехорошо. Да и не только яблоки, и не только из соседского огорода.

С этими мыслями-воспоминаниями я и про холод забыл, и про усталость, а лишь пыхтел, и шагал след в след за впереди идущими родителями, торившими дорогу по острову. Добравшись до пещерки, мы сделали остановку, сняли лыжи, разгребли у большого пня снег, посидели, доели с остывающим чаем бутерброды, и после спустились между камней вглубь. Помещение было теснее, чем летом, скорее от того, что мы были в зимних одеждах. Камни свода в некоторых местах отсутствовали, и через эти прогалы внутрь насыпался снег. От камней тянуло одиночеством и холодом, но внутренне я чувствовал, что здесь прожило не одно поколение людей. А их отсутствие навевало, даже не знаю почему, это чувство одиночества и какой-то невозможной потери. От света, падающего из потолочных дыр и выступающих камней внутри, на стенах пещеры вырисовывались причудливые образы животных. Но эти картинки не перебивали того всплывшего чувства уныния и безысходности.

Я вылез из пещерки на солнечный свет, и сразу немного полегчало на сердце. Продираясь через снег, пошел в сторону невысокого скального выступа. Он был совсем недалеко, но высо-

кий снег сильно затруднял движение. Несколько раз я ногами попадал в какие-то расселины между камнями под снегом, в которых стопы застревали, но я упорно карабкался вверх. Спустя несколько минут я добрался до верхней точки, разгреб снег по сторонам и сел отдышаться. Яркий солнечный диск уже прошел точку зенита и медленно начинал опускаться к макушкам сосен, ближе к Липовой горе. Я на несколько мгновений замер и прислушался к стуку своего сердца. Оно, как ни странно, быстро успокоилось после интенсивного подъема и сейчас билось уверенно, создавало мощные толчки, как будто его подключили к дополнительному источнику питания. Накатывающая волна непонятного чувства захлестнула. Создавалось впечатление, что я превратился в своего рода проводник, кусочек медной проволоки, замкнувшей землю и небо. Как будто через меня прошел такой сильный разряд, что я вот-вот потеряю сознание. Нахлынувшее тепло начало подниматься от кончиков пальцев ног и, как сосуд, наполнять тело чем-то ярко голубым снизу вверх, и навстречу ему из макушки устремился поток с золотистым сиянием сверху вниз. Встреча потоков произошла, по ощущениям, в районе сердца, образуя круговорот.

Я поднял глаза к солнцу, окружающий мир уплывал, растворялся в тумане. Оставалось только Солнце – теплое, яркое, всеобъемлющее. Пришло ощущение большого города – Солнца, в котором все жители вокруг тебя узнали и приветственно вскидывают руки. Перед глазами высокие городские ворота с распахнутыми створками, а за ними огромный город, наполненный приветливыми жителями в светлых одеждах, напоминающих славянскую традицию с вышивками, кушаками, косоворотками. Было чувство, что я их всех давно знаю и, что все они – мои родственники. Ближе всего ко мне стояла приветливая голубоглазая женщина. Она протянула ко мне руки и, назвав сыном, с улыбкой спросила, где я так долго пропадал, что она меня уже и не чаяла увидеть в живых. Я без страха уже собирался сделать первый шаг навстречу к ней и всем этим людям.

На мгновение мне показалось, что солнечный диск перекрыло облако и яркие краски стали блекнуть. Сколько в этом состоянии отрешения от окружающего мира я был, сказать было невозможно. Может, секунду, может – вечность. Вдалеке за спиной я услышал голос, но он звучал в диссонанс всему окружению и нарушал всеобщую гармонию состояния. Пришлось нехотя подчиниться, и внутренним усилием остановить попытку движения из ворот. Когда я открыл глаза, передо мной на камне стояла немного растерявшаяся мама и терла лоб снегом. Он, как масло на сковороде, таял и каплями стекал по щекам за отворот свитера. Увидев, что я моргаю и начинаю брыкаться от холодного снега, она немного успокоилась, потянула меня за воротник куртки вниз с горки. Медленно передвигаясь по рыхлому снегу, я поплелся за ней. У основания горки родители решили, что я надышался избытком кислорода на свежем воздухе, и решили двигаться в обратную сторону по проторенной нами же тропе.

На берегу перед островом уже никого не было. Старушка как будто испарилась. На острове от места нашей встречи, кроме нашей лыжни, следов по снегу не было, а на льду озера в пределах видимости ее не было видно, хотя далеко такая старенькая бабулька уйти не могла. Начало вновь мести. «Чудеса», – подумал я тогда.

Добравшись до дома, ближе к вечеру я уже не мог «ни петь, ни свистеть». Так нагулялся, что даже не стал ждать, когда мама разогреет ужин, и, скинув верхнюю одежду, рухнул на кровать. Спал крепко, не видя снов, не чувствуя, как с меня стянули остатки одежды, расправили кровать и оставили спать до утра. Показалось, что я только положил голову на подушку и в следующее мгновение уже проснулся в этой же позе. Но было уже утро следующего дня.

Вновь всё шло по накатанному расписанию. Школа, музыкальная школа, домашние задания, гуляния с соседскими ребятами по улице. Весна была дружной, снег сошел очень быстро, но потом пару раз выпадал снова толстым слоем, дабы напомнить местным жителям, что они живут не на черноморском побережье Северного Кавказа, а всего лишь на берегу реки Миасс Южного Урала. Настроение у учеников было чемоданным, впрочем, как и у учителей, которые

ждали каникул не меньше детей. А я ждал, что отец придет с работы и объявит, что снова купил на заводе для меня путевку в пионерский загородный лагерь на озере Тургояк. И однажды это свершилось... Переводные контрольные, последний звонок, выставление четвертных и годовых оценок, и – свобода! На три месяца.

Летние каникулы. «Кругосветка»

Первым радостным событием в дни свободы было решение деда и бабушки посетить родственников, живших в районе Азовского моря и на границе Ростовской и Волгоградской областей. В первом случае это была семья бабушкиной племянницы из города Азова, а во втором случае – дедовская сестра, жившая в совхозе имени двадцать второго партсъезда, это где-то недалеко от Цимлянского водохранилища. Мы быстро создали план поездки и стали собираться. «Малое кругосветное путешествие», как я тогда его назвал, состояло из нескольких этапов. Сначала мы поехали поездом до Волгограда. Там решили пересесть на пароход, но в нужную сторону по течению реки Волги посадка была только по четным дням, а мы прибыли утром нечетного. Это нам было, собственно, на руку, и мы по возможности обошли все мемориальные комплексы города-героя. Вначале дед возложил цветы к подножию монумента Родины-матери на Мамаевом кургане. Когда мы стояли в молчании у ног статуи, из его глаз скатывались скупые слезинки, взгляд был затуманен, и мне казалось, что в мыслях он был где-то там, на поле боя, истекающий кровью, в окружении погибших и раненных, с криками и стонами, с чувством бессилия в оказании помощи умирающим друзьям-однополчанам. Дед был в Великую Отечественную войну артиллеристом и дошел до Чехии. Там побывал в окружении, раненный в бедро, трое суток по болоту выползал из него в то время, когда рана воспалилась, и в ней на жаре уже завелись черви. Жуть, когда это представляю... В общем, все тяготы войны и душевные раны сейчас были, так сказать, еще на пределе. Каждую ночь он во сне то кричал: «В бой за Родину, за Сталина», то громко стонал.

Потом мы прогулялись по центру Волгограда и уже просто заходили во все значимые музеи, куда успели. Ночевать было негде, так как мест в гостиницах не было без брони, и мы проехали на речной вокзал. Ночь пришлось провести в зале ожидания посадки, и еще в соседстве с миллионами комарих, нещадно заползающих под любые брючины, за шиворот, в рукава, для своих подлых кровоотсасывающих целей. Вначале я просто отмахивался, но в третьем часу ночи, не выдержав натиска, залез в пристроенный к лестнице пустой буфет. Скрючившись в позе зародыша, я закрылся в тумбочке для хранения продуктов, оставив для дыхания маленькую щель. Там и уснул. Даже милиционер, проходивший с обходом по залу ожидания под утро и светивший фонариком во все закоулки, не смог обнаружить меня. На зорьке все бока болели, а руки затекли, но зато комарам не досталось моего пионерского сладкого тела. Позавтракав бутербродами, мы сели на трехпалубный пароход «Герой Головачев» и отправились сначала по Волге, в сторону Каспийского моря, а потом, свернув в Волго-Донской канал, долго проходили тринадцать шлюзов и Цимлянское водохранилище. Стояла жара, а мы на верхней палубе всё это время валялись на лежаках, загорали, пили минералку «Нарзан» и принимали душ.

По прибытии в Ростов-на-Дону пару часов погуляли по центру города и сели на водный трамвай-ракету, быстро доставившую нас по реке в город Азов. Погостив у родственников пару дней, решили уехать. Обстановка была тяжелой из-за того, что за неделю до нашего приезда племянница была убита во время выполнения какого-то задания. Она работала следователем по особо тяжким. Получилось, что попали мы на поминки. Дальше, сев на поезд, вернулись на границу Ростовской и Волгоградской областей и, сойдя на небольшой станции, отправились в совхоз им. XXII партсъезда – искать очередных родственников.

Встреча была неожиданной и очень радостной. Погостив недельку у гостеприимной дедовской сестры и ее многочисленных совхозных родственников, вернулись в Волгоград и решили на самолете вернуться в Челябинск, но билетов не оказалось ни в Челябинск, ни в Свердловск. Случайно освободились места в самолете до Магнитогорска, и мы галопом помчались к месту регистрации и посадки. Взлет, набор высоты, отстегнуть ремни, сок, легкий завтрак... Я даже успел отключиться на пару десятков минут. Но что-то пошло не так. В момент

отключки я вдруг увидел в полусне видение, что перед иллюминатором с наружной стороны на меня с тревогой смотрит голубоглазая женщина, которую я уже где-то видел, и пытается что-то сказать. За обшивкой самолета ее слова растворяются в работе турбин авиалайнера, и я ни одного слова не могу разобрать. Тогда она начинает жестами показывать в сторону крыла. Рывки, тряска, перепады давления с болью в ушах возвращают меня в реальную и не очень приятную действительность. Видение растворяется в облаках. Что-то долго летим. Я напряженно смотрю в иллюминатор на закрылки, они то выпускаются, то снова втягиваются. Внутреннее напряжение на пределе. Уже становится страшно, но вот из облаков становится видна стремительно приближающаяся земля, и в какой-то момент толчок, стук колес и торможение. При выходе на трап вокруг нас стояло два десятка скорых и столько же пожарных машин. Только в зале прилета ожидающие и встречающие с любопытством стали выпрашивать про наши ощущения. Оказалось, что мы летели не два, а три часа из-за того, что отказал один двигатель и заклинило на одном крыле закрылки. Вот по этой причине их двигали туда-сюда перед посадкой. Когда ты на земле, уже ничего не страшно, но там, в небе, на девяти тысячах метров пустоты под ногами, реально в душе возникла паника. Но тогда подробностей никто не знал, и собственно, всеобщей паники не было. На поезде из Магнитогорска мы успешно добрались до дома. «Кругосветка» завершилась.

На следующий день я достал из сумки три пленочные кассеты с заснятыми кадрами хроники путешествия и, как заядлый фотограф, кинулся проявлять их и печатать. Технология отработанная: руки суешь в рукава толстой куртки, только наоборот – снаружи внутрь, берешь кассету с пленкой, разобранный фотобачок из четырех частей, подол куртки обматываешь вокруг всех этих штук, на всякий пожарный случай накрываешь еще покрывалом сверху. На ощупь в темноте, чтобы не засветить тридцатишестикадровую пленку марки «Свема», достаешь аккуратно из кассеты и начинаешь процесс наматывания пленки на направляющую спираль бачка. Когда все манипуляции с перемотками, разведением реактивов, заливкой и прочими манипуляциями были проделаны и проявлена последняя пленка, я стал на просвет осматривать еще мокрые негативы. В том месте, где я пытался сделать снимки из иллюминатора самолета на обратном пути домой, на каждом кадре негатива отпечатались темные сферические пятна. Может, это были блики от стекла, может, проявитель в этом месте слабее на пленку подействовал от ее слипания в бачке, но на всех кадрах из полета в небе были эти пятна. «Испорченные кадры», – подумалось мне. После печати я действительно на фотографиях увидел бледно-светлые шары рядом с самолетным крылом. Было впечатление, что это застывшие в невесомости, слегка издающие свет капли воды. Весь фотоотчет по поездке был представлен родителям и остальным родственникам, пришедшим послушать рассказ о том, как живет наша дальняя южная родня. В итоге вся поездка уложилась в 18 дней и кучу новых впечатлений. Еще не улеглись воспоминания и переживания от этого путешествия, а уже через неделю я был готов ко второй смене пионерского лагеря на озере Тургояк.

Лагерь. Новый поход

День заезда в этот лагерь на очередную вторую смену я снова ждал, как манну небесную. И вот, когда наступил этот благословенный день, всё повторилось как и в прошлый, и в позапрошлый годы. Площадь перед Дворцом автомобилестроителей, знакомые лица, автобусы, загрузка, путь до лагеря, суматоха сдачи путевок, камера хранения для чемоданов, разбивка по отрядам, занятие комнат, коек, тумбочек, получение формы... Эта суматоха так завалила, что усталости совсем не чувствовалось, и спадала она только тогда, когда ты садился на край кровати перед отбоем. Да, всё повторяется, но уже с высоты прожитого года начинает восприниматься иначе. Детские поступки прошлого лета переосмысливаются, появляются новые идеи, друзья, чувства. Остается неизменным только расписание смены с ее днем Нептуна и прочей чепухой, ну и поход вокруг Тургояка.

Манной небесной для меня был именно этот поход, всё остальное уходило на задний план. Я, конечно, и с родителями мог бы уехать на противоположную сторону озера, чтобы пожить в палатке, но это было совсем не то. Дух отрядного коллективизма, дух свободы, дух единения с природой – вот что было главным, а с родителями и их друзьями чувствуешь себя под неусыпным контролем, защитой, чрезмерной опекой и не получаешь полного раскрепощения.

В жесткой иерархической пирамиде человеческого общения всегда есть место «клубу по интересам», когда большая группа единомышленников, независимо от положения и достатка в обществе, собирается вместе, чтобы весело провести время с пользой, занимаясь совместной однонаправленной деятельностью. Для кого-то это кружок, секция, музыкальная школа, игра в песочнице, рыбалка с мостика, сбор ягод в лесу, просмотр фильма в кинотеатре, поход в библиотеку за очередной интересной книгой, а для меня – поход. Но, кроме всего вышперечисленного, лично для меня это маленькое путешествие на противоположный берег озера отождествлялось с каким-то непостижимым душевным успокоением. Объяснить это было невозможно. Просто на уровне подсознания я чувствовал, что мне туда надо! Что там открывается какая-то внутренняя связь и что, возвращаясь, я становлюсь отчасти другим.

Жизнь в лагере в этом году немного отличалась тем, что знакомых ребят и девочек было меньше, чем обычно. Объяснялось это просто: я в прошлые годы всегда попадал в отряд, где был по возрасту почти самым мелким. Другие, «умудренные опытом» с высоты своего более «зрелого» возраста, прошлогодние одноотрядники в этом году уже не поехали в лагерь, так как сдали экзамены, получили свидетельства о восьмилетнем образовании и решали вопросы поступления в техникумы, училища или продолжения обучения в школе до десятого класса. Многих в отряде я видел впервые, но это не мешало дружно впрячься в лагерные будни по пожиранию конфет, и плетению длинных цепочек из фантиков, в борьбе за первое место по длине этих цепочек. В соревновательный процесс по разным видам спорта, по намазыванию пастой девчонок из соседней палаты, по поеданию огромного количества ягод на ближайшей к лагерю горке, по дежурству на шлагбауме, по вечерним танцам на импровизированной дискотеке.

Правда, в этом году с дежурством вышло обидное недоразумение. Как-то раз меня на два часа до обеда поставили «на шлагбаум», и пообещали сменить, как только основные дежурные этого поста поедят. Я естественно, согласился, так как день был рабочий, посетителей в виде родителей не предвиделось, и бегать вызывать по отрядам детей было практически не нужно. В момент, когда я остался в гордом одиночестве, по лагерному громкоговорителю объявили о разрешении на купание в озерном лягушатнике у пристани и стали приглашать на берег по очереди каждый отряд. Вот и наш отряд пригласили, а я стою на посту. Вот время обеда наступило, я стою. Обед уже час как закончился, и отряды на «сончас» расползлись по дачам,

а я всё стою и стою... Отходить нельзя, совесть говорит: необходимо следить, чтобы посторонние не заходили, а смены всё нет. Вот еще два часа «сончасы» прошло, а я по-прежнему один на шлагбауме. От него до ближайшей дачи метров двести по лесной дорожке, ни один пионер не пришел, чтобы в тоске, глядя вдаль по ту сторону «границы», ждать прихода родственников. Кричать бесполезно, не услышат. Вот и полдень пролетел, и снова громкоговоритель известил о приглашении на купание. Взяла тут меня обида! Посмотрел я на себя со стороны – забытого всеми, голодного, не купаного пионера на посту №1, и так себя жалко стало. Махнул рукой я на пост и обиженным на весь белый свет поплелся на дачу. А там вожатые и воспитатель чаи гоняют, пока отряд на купание собирается. Глянули они на меня и, видимо, по сильно обиженному виду сразу вспомнили об обещанной смене. Чего-то пытались сказать в оправдание, но я уже не вслушивался в их лепет, а просто с комом обиды в горле ушел в столовую. Там, конечно, меня уже и не ждали, но поварихи, сжалившись, налили стакан чая, отрезали большой ломоть хлеба, достали плавленый сырок «Дружба» из холодильника и сунули пару яблок.

Этот инцидент с вожатыми стал единственным отрицательным фактом моей летней смены, но он стал полезен для самих вожатых и воспитателя в плане усиления внимания к каждому ребенку в их отряде. А вообще народ, объединенный общими интересами под одной крышей дачи, был дружным, веселым, и это сплочение дало нам возможность вновь вырвать пальму первенства у старшего отряда и пойти в долгожданный поход.

Погода в этом году была чуть прохладнее, но, в отличие от прошлого, чуть менее дождливая. Мне не пришлось молиться о прекращении дождя перед выходом, и, когда наступил день сборов, солнце светило, тучки бегали, ветерок дул, разгоняя по озеру небольшие волны с мелкими барашками на макушках. Все с энтузиазмом ринулись получать рюкзаки, набивать их продуктами со склада столовой, спальниками, палатками, личными вещами.

Середина июля, шлагбаум поднят, мы дружной ватагой, рассредоточившись цепочкой, начинаем движение по тропе вдоль береговой линии. Солнце, спрятанное за кучевыми облаками, изредка выглядывает из-за них, напоминая нам, что оно есть и что оно неусыпно следит за нашим передвижением. Я шествую в первой тройке и чувствую себя бывалым туристом, так как на моей памяти это уже третий поход вокруг озера. Первый был в позапрошлом году и получился самым неудачным. Всю дорогу моросил дождь, потом мы сидели в мокрых палатках и два дня пели грустные туристские песни. Еще он вспоминался с некоторым негативом из-за того, что во время похода нам попадалось много грибов, все их подбирали, и пытались предложить для приготовления ужина, но, когда я стал с вожатой на стоянке проверять их на пригодность, оказалось, что почти все они были изъедены червями. Я огромную кучу этих забракованных грибочков на глазах у туристической публики выкинул на мусорную кучу, объявив, что они червивые. На это мне кто-то из окружающих крикнул, что я сам червивый. Все посмеялись, но неприятная кличка Червивый так и приклеилась до конца смены. Этот поход даже вспоминать не хочу, не за что, вроде как и не было.

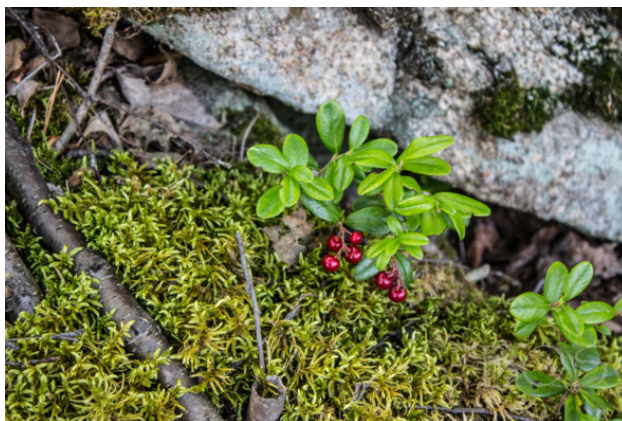
В общем, идем мы, как обычно, до места основного привала с тяжелыми рюкзаками, кряхтим, смахиваем пот, делаем небольшие остановки. В одну из них, перед проходом через гору Липовую, я отошел в лес по делам за кустики, а там черничник огромный, ягоды, как крупные бусины. Даже забыл, зачем пошел. Стал собирать в пригоршню. Недалеко – старая свалившаяся сосна. Решил дойти до нее и вернуться. Вдруг на сосне у комля прямо перед собой вижу старенького деда. Не дед, а божий одуванчик какой-то. Я стою, ничего вразумительного сказать не могу. И он тоже сидит себе на поваленном дереве, смотрит так пристально на меня, будто читает, как книгу. Откуда взялся? Словно из-под корней этой сосны вылез. Весь смуглый такой, зрачки бледно-голубого, почти белого цвета, как выгоревшие на постоянном солнце, волосы до плеч седые, борода тоже белая, одет в подобие русской народной косоворотки с расшитым воротом, а поверх – бурка, как у джигита, только из меха, похожего, может, на волчий, а может, на коровий. Я сильно не приглядывался. Голову опоясала такая же расшитая ленточка

с крестиками, ромбиками, треугольничками. Опирается руками на выструганную палку-посох. На ней тоже какие-то знаки виднеются. В руках корзинка с ягодами, но не с черникой, а с ярко-красной крупной брусникой.

– Угощайся, – говорит, – я знаю, ты ведь любишь брусничку. Подставляй руки.

Я так и опешил. В тот момент, когда он это произнес, я вспоминал родню из Новосибирска, у которой всегда в погребке была моченая брусника, и, когда я раньше с дедом и бабушкой приезжал к ним в гости на время каникул, они всегда ставили на стол вазочку с этой брусникой. Я очень любил ее и поглощал с такой скоростью, что у тетки за неделю нашего пребывания всегда освобождалась трехлитровая банка такой вот моченой ягоды. Дед протянул мне корзинку, насыпал полные пригоршни ягод и добавил:

– Когда встанете не стоянку, не поленись, сходи на Заозерный хребет, он недалеко от палаточного городка будет. В гору ведет тропа, она и приведет к вершине с голыми скалами. В народе ее называют Королевой. Там вокруг очень много этой брусники на солнечных местах. Только приходи пораньше утром, сразу после завтрака, а то в обед будет жарко. Может, еще и увидимся...

оз. Тургояк, брусничник

Сказав это, он улыбнулся, встал с дерева и побрел в противоположную от нашего отряда сторону, напевая себе под нос какую-то народную припевку. С меня вдруг спало оцепенение, я крикнул вслед ему «спасибо» и пообещал сходить. В голове было ощущение, что другого я и не смог бы сказать. С брусникой я вернулся на тропу. Получил выговор за отлучку от отряда, но откупился от воспитателя ягодами. Она удивилась, откуда в низине перед горой взялась брусника, но я про старика ничего не сказал. Все взвалили рюкзаки на плечи и тронулись дальше по тропе, ведущей на подъем вверх, через отлог Липовой горы.

Спускаться было намного веселее, но в порыве веселья я неаккуратно ступил на корень огромной сосны, заросший мхом, тянущийся поперек тропы, и резиновая подошва кед на влажном мху потеряла сцепление. Полет был коротким, но жестким, и я даже не успел сообразить, что произошло, как оказался на пятой точке. Автоматически упершись руками в лесную подстилку, я почувствовал резкий укол в ладонь и, отдернув руку, увидел кусок стекла от разбитой бутылки, валявшейся в траве на обочине. Яркая, алая теплая струя заполнила ладонь, стала стекать по руке на локоть и капать в траву. Голова закружилась. Не от того, что было больно, а, скорее, от наблюдаемого кровавого озерка на ладони. Я выдернул осколок, стряхнул с руки кровь и большим пальцем свободной руки зажал порез.

Воспитательница, замыкавшая колонну, догнала меня, сидящего в кустах около тропы. Правда, она не сразу поняла, в чем дело, но, разглядев, побледнела, пошатнулась, но не упала, а уперлась рукой в ствол сосны. Видимо, ей стало сильно жалко меня, так как из ее глаз хлынули слёзы. Как бы сказал сейчас мой дед, «женская сентиментальность». Кто-то из впереди

идуших разнес эту новость, и уже рядом оказался физрук с ватой, йодом и бинтами. Рана была неглубокой и после обработки и бинтования все двинулись дальше. Физрук еще полчаса потом ворчал, что туристы-дикари совсем потеряли совесть, если бьют стеклотару в лесу по пути следования. У меня за плечами остался только рюкзак, а руки освободили от всякой дополнительной ноши. Ступал я по тропе теперь более осмотрительно. Бинт на ладони намок и стал красно-коричневого цвета. Рана ныла, как обычно ноют все порезы и ссадины. Я, в общем-то, давно привык к подобным мелким травмам и мало обращал на них внимание. По словам мамы, на мне всё заживало как на собаке.

Закончив спуск, мы приблизились к береговой линии озера, и дальше тропа повела по краю леса. Огромные каменные джунгли покрывали берег. Нагромождения глыб, вылизанных водой и временем, создавали впечатление, что это были древние развалины от кладки замка или чего-то подобного, но не менее величественного, разрушенного во времена еще более древних эпох. Проходя мимо этих развалин, я почувствовал, как в районе сердца что-то сжалось и заныло. Это было не физическое ощущение, а, скорее, душевное. Как будто что-то или кто-то проснулся под сердцем и начал тревожно дергать за невидимые ниточки осознания.

Недалеко от острова Веры вдоль берега в лесу была небольшая каменная гряда, у подножия которой обнаружили огромные заросли черничника. Отряд на пять минут, спонтанно остановился в этих зарослях. Уж больно привлекательно выглядели крупные ягоды, что пройти мимо них было преступлением. Мне ягод уже не хотелось. Сбросив рюкзак, я полез на эту гряду. Сверху она напоминала миниатюрную копию Великой Китайской стены. Вновь душу захлестнула такая необъяснимая тоска о чем-то нечаянно забытом. Словно бы я дал обещание и спустя долгое время забыл о нем. Закрыл глаза. На мгновение показалось, что я знаю каждый сантиметр этой развалины и могу с закрытыми глазами найти любую дорожку к озеру.

Вдоль перевала гряды тянулась заросшая кустарником тропка, как дорога к смотровым площадкам на стене. Я пошел по ней в сторону озерного мыса и на крайнем камне этой природной постройки, а может, вовсе и не природной, перед спуском к озеру увидел девчонку лет тринадцати, сидящую на нем и плетущую из цветов венки. Длинные русые волосы были уложены в плотную косу до пояса, голубой спортивный костюм, китайские кеды. Ничего особо привлекательного. Глянув на нее, я сразу понял, что она не из нашего отряда, а, скорее, местная. Вокруг озера всегда много отдыхающих. Она повернула голову в мою сторону и слегка улыбнулась. В животе екнуло: я ее давно знаю... А может, нет, не уверен. Но было в ней что-то до боли знакомое. Даже имя откуда-то из глубины памяти для нее пришло на ум – Росана. Странно. Ее голубые глаза отражали небо, и от этого казались еще ярче, веснушками усыпанные щеки не портили, а наоборот, дополняли общее хорошее впечатление. Даже немного располагали к общению. Посмотрев на мои бинты, она участливо поинтересовалась, болит или нет, а потом серьезно сказала:

– Я здесь живу недалеко, и за островом Веры знаю один незаметный постороннему глазу родник, вода которого может быстро заживлять раны. Попасть к нему сложно, но конечно, можно.

Она протянула указательный палец на берег вдоль острова и как бы дала мне направление движения. Потом разгребла ногой верхний слой старой хвои на дорожке и на образовавшейся площадке земли нарисовала примерную схему берега. Место родника указала крестиком. Я, конечно, ориентировочно запомнил схему, но в душе посмеялся над ее полной уверенностью в том, что родник чуть ли не с волшебной водой. Она, похоже, разгадала мою ухмылку и произнесла ошеломляющую фразу:

– Можешь и не слушать меня, но запомни, что глупые всегда ждут подсказок, а умные до всего доходят самостоятельно.

С этими словами она надела на голову законченный венок и быстро побежала по тропе вниз к берегу, что-то крича на ходу. Из обрывков ее фраз я услышал и понял только, что какая-

то Ирис передает мне привет. Я ни разу не слышал такого имени и подумал, что она меня с кем-то перепутала, или, может, просто не расслышал его правильного произношения. За грядой с другой стороны раздался звук свистка старшего, а это обозначало, что все должны собраться и двигаться дальше.

Так, короткими перебежками, мы добрались до нашей поляны, но она оказалась занята другой группой туристов из соседнего города. Физрук, сопровождавший нас, сказал, что есть поблизости еще одно хорошее местечко, и мы поплелись за ним. Действительно, перейдя речушку, скорее ручей, ближе к Мухоринской бухте, практически у ее края, мы набрали на уютную полянку, на которой, к нашей радости, никого не было.

Всё было по-старому, прошлогоднему, сценарию: расчистка поляны от шишек, установка палаток, сбор хвороста и готовка запоздалого обеда. У каждого к вечеру до ужина оставалось личное время на купание, игры в мяч, ловлю раков, рыбалку, сбор ягод и прочие развлечения, возможные в походных условиях. Небо было малооблачным, но белые небесные барашки летели по небу всё стремительнее. Ветерок с бухты приносил малоприятный запах болотистой атмосферы, комаров и подсознательное ощущение присутствия чего-то темного, тяжелого, туманного... В общем, словами это не объяснить, но в душе это что-то находило свой отклик.

Купаться со всеми я не пошел, только ополоснул кеды, замазанные черной илистой грязью еще во время прохода через эту речку Бобровку. Вернее, даже не через нее саму, а через заболоченную низменную пойму. Мы скакали по кочкам и по веткам, в густых зарослях цветущего иван-чая едва находя тропу, ежесекундно чавкая ногами по грязи и черпая обувью эту вонючую жижу. Зайдя после походного обеда в воду, я пополоскал пропитанные грязью и потом кеды, не снимая с ног, огляделся. Левее нас начинались бескрайние заросли камыша, а из воды между ним торчали сухие обломки берез. Безрадостная картина. Эти погибшие в воде березы напомнили мне кладбище со старыми, покосившимися крестами.

оз. Тургояк, бухта Мухоринская

Вообще, Мухоринская бухта мне не нравилась. Немного заболоченная, по краям заросшая плотным кустарником, в воде – камышом и другой травой, она создавала впечатление зарождающегося болота с кучей представителей нечистой силы в ее толщах. Правда, когда уровень воды поднимался на пару метров, всё выглядело симпатичнее, но сейчас зеркало озера было практически на минимуме, а слой воды в бухте прогревался быстрее, происходило более интенсивное ее зарастание. Я заметил, что в этом районе почти всегда кучевые облака закрывают солнце и отдыхать здесь не очень-то комфортно. Как-то мрачнее всё выглядело, чем на остальных участках озера.

Да тут еще рука стала сильнее ныть, а к этому прибавилось ощущение жара в ладони. Тут я вспомнил про случайную встречу на каменной гряде и про родник, который как раз должен

был находиться где-то поблизости. Именно сейчас захотелось поверить в его чудодейственные свойства. В походной суете вышибло из памяти подробности плана, но точно помнил, что крестик был за речкой, в лесу, перед поворотом вдоль бухты. Я дошел до палатки, взял горсть мятных карамелек из личных запасников и двинулся в лес, в ту сторону, где ориентировочно стояла метка родника. Мне стало интересно найти его, и даже не оттого, волшебный он или нет, а просто узнать: подшутила девчонка или сказала правду о существовании родника.

Отойдя на три десятка метров от стоянки на берегу, я попал на большую поляну, в центре которой возвышалась плоская каменная глыба. Подойдя к ней ближе, решил рассмотреть на ее боковой поверхности, как мне показалось, рисунок, высеченный рукой человека. Мысль оказалась спорной, так как насечки, показавшиеся мне рукотворными, были не чем иным, как наростами лишайников в виде колец и зигзагов, а вот на верхней поверхности камня были малозаметные углубления, канавки. Это было больше похоже на творение рук человеческих, хотя ветер и влага за сотни лет сделали свое дело. Да еще сверху на камне многолетние слои опавших сосновых иголок создали гумусную подушку, на которой стали расти мхи, травы и даже появились мелкие проростки сосенок. Я расчистил край камня от этой поросли, но понять что-то из начертаний было трудно из-за размазавшейся грязи.

Под камнем с одной стороны стояла лужа, из которой вытекал небольшой ручеек и уходил под соседние камни в ближайшем подлеске. Вода в ней была чистой, хотя вокруг нее была только жирная лесная грязь. Я зачерпнул пригоршню воды и полил на камень, чтобы смыть грязь. Ладонью незабинтованной руки я разогнал мутную воду с поверхности глыбы и вгляделся. Действительно, на ней проступили насечки в виде каких-то подобий букв. Но, с другой стороны, ветер, вода и разница температур так могли изменить поверхность камня за многие сотни лет, что мое воображение просто дорисовало эти природные трещины и размывы до иероглифов.

Стоя в размышлениях, я и не заметил, как забинтованной рукой вляпался во влажную грязь, только что созданную мной. Машинально наклонившись к луже, я пополоскал кисть с бинтами в воде, чтобы отмыть налипшие частицы почвы. Пока я стоял и разглядывал камень, набежали ниоткуда тучи, резко подул ветер, а над поляной, громко каркая, пролетела стая ворон. Появилось ощущение, что руки и ноги стали тяжелее в два раза. Мысли стали путаться, голова потяжелела. Боковым зрением я поймал движение в подлеске около поляны. Скопив резко в ту сторону глаза, я не увидел ничего. Просто легкая тень прошла по стволам деревьев так, как это бывает при быстром смещении облаков идвигающимся от этого теням на земле. Решив, что это головокружение от лесного воздуха, насыщенного кислородом, я отошел от камня, чтобы продолжить поиск родника.

Выходя с поляны, машинально оглянулся назад, и в груди что-то екнуло. Над камнем, где я только что был, зависло нечто полупрозрачное, имевшее подобие человека в черном балахоне с капюшоном, но через мгновение выглянуло солнце, и все мои страхи и видения растворились в его ярких лучах. Приглядевшись и никого не обнаружив, я пошел дальше. Да, я всегда отличался впечатлительностью, вот и сейчас – один в лесу, достаточно далеко от дома – сам нарисовал в мозгу страшную картинку, сам испугался, сам себя уговариваю, что это выдумки, но, уходя с поляны, уже боюсь оглядываться: а вдруг опять тень в балахоне пригрезится. Еще заметил по ходу размышлений, что кроме криков ворон да шелеста листвы от порывов ветра на поляне я не слышал ни одного звука. Сейчас, двигаясь дальше, опять чирикали синицы, стрекотали кузнечики, где-то далеко куковала кукушка. Я по привычке сразу начал считать количество ку-ку. Бабушка всегда говорила, что кукушки остаток жизни в годах отсчитывают. Я в это не верю. Думаю, что бабушка уже старенькая и она прекрасно понимает, что ей недолго осталось жить, вот и придумывает всякие варианты вычисления этого остатка. Кукушка в это время десяток раз крикнула, на несколько секунд замолчала и потом с новой силой закуковала.

Лесок, по которому я бродил в поисках заветного родника, был неприятным для подобных прогулок, оттого что на каждом шагу лицо мое вляпывалось в паутину, а жирные пауки, не успевшие отползти в укрытие, оказывались на мне. Я с раздражением сбрасывал их с плеч, шеи, рук и при этом пытался снять липкие волокна паутины с лица. Заросли кустарников стали гуще, и приходилось с трудом через них продираться или обходить по краю. Под ногами чаще стала появляться грязь, лужи, и вот я, вымазав ноги почти до колен, решил прекратить поиски. В общем-то, я в сказки не верю, и детский бред, который услышал от встречной девчухи, я сейчас уже не воспринимал всерьез.

Дойдя до лагеря, я вновь вошел прямо в одежде по колено в озеро и, создавая фонтаны брызг, начал круговыми движениями каждой ноги пытаться смыть лесную грязь. Бинт был вымазан до такой степени, что обязательно нужно было сделать перевязку. Немного посидев на береговом камне и дождавшись, когда из хлюпающих кед вытечет вода через боковые отверстия, я пошел искать воспитателя, чтобы она поменяла мне бинт. Искать долго не пришлось – она была у костра, где с девчонками готовила ужин. Но перебинтовывать не стала, а отправила к физруку. Я вспомнил, как она плохо себя почувствовала при виде крови, и решил взять бинт и сам сделать себе перевязку. Просто, подходя к поляне, я видел, что физрук с другими пацанами ушел в лес за хворостом для костра. Взяв всё необходимое, я побрел в свою палатку. Тут мне в голову пришла мысль о том, что я совсем забыл про рану, а рука уже не ныла и не горела, как по дороге к месту стоянки. Удивился я еще больше тогда, когда, сняв грязный бинт, увидел, что порез хорошо затянулся и дырки в ладони уже не было, а только края раны немного торчали вверх. Обработав йодом, я мастерски замотал бинтом кисть с «замком» на большом пальце, ведь я сын и внук медиков и стыдно не уметь делать подобные элементарные вещи.

А потом наступил общий сбор у кострища, ужин, гитара, хоровое пение и всякая чепуха, которую передавало из уст в уста не одно поколение детских озерных туристов. Страшилки о духах, покойниках и прочую водно-лесную нечисть. В этот раз у нас не было интересных рассказчиков, как в прошлый поход, когда историк, а по совместительству воспитатель, вещал нам о жизни неандертальцев, мегалитах, мамонтах и шерстистых носорогах, обитавших в этих урочищах. Посидев немного, я отправился обратно в палатку, в шутку сказав соседу, уговаривавшему меня остаться, что скоро пойдет дождь.

У меня не выходила из головы мысль о старике, встреченном мной в лесу. Я с твердым намерением ложился спать пораньше, чтобы встать рано утром и пойти на эту Королеву. Залез в спальник, отвернулся к стенке палатки и попытался заснуть. Резкий, оглушительный хлопок разбудил мой только что расслабившийся организм. Я вскочил, глядя в темноту палатки, и в эти секунды, пытался понять, что, собственно, происходит. Первое, что я услышал после хлопка и пробуждения, так это приближающийся шум мощной стены дождя. Это как подходящий состав поезда. Всё ближе и громче... И вот мощные и частые струи небесного водопада вонзились в крышу палатки, как будто миллионы рапиристов ударили разом, пытаясь пронзить насквозь ткань и поразить предполагаемую цель. Вся братия, соскочив с нагретых мест у костра, кинулась врассыпную по палаткам. Мои соседи с гиканьем и свистом тоже влетели в нашу четырехместку, и при этом вместе с ними влетела в палатку, наверное, сотня комаров.

Дождь был таким сильным, что водные потоки начали затапливать нашу площадку и подбираться к палаткам, стоящим немного на возвышении. Вновь раздался сильный треск, как будто рвалась бумага, и совсем рядом в береговую линию ударила мощная молния. Хлопок, последовавший за этим разрядом, был такой оглушительный, что показалось: сердце сначала на секунду замерло, а потом быстрее звука ушло в пятки. Испуг от неожиданности наступил позже. А за этой через минуту последовала новая молния, и еще, и еще...

Честно: было страшно. Мысли рисовали попадание одной из них в палатку, огонь и обуглившиеся остатки тел. Чего-то захотелось еще немного пожить. В ярких вспышках молний на потолке палатки как будто включали фонарь. В очередную вспышку я вдруг увидел на ткани

потолка огромную тень. Как словно кто стоял рядом с палаткой во время вспышек молний. Стало совсем страшно. Тут же вновь восстановились в памяти видения на поляне у большого камня. Чтобы не показать соседям по палатке своего страха, я просто отвернулся в угол, к рюкзаку, зарылся с головой в спальник и продолжал слушать грозу, отдав свои страхи на волю победителя.

Как только мысли успокоились и образы страха исчезли на мгновение, я услышал снижение громкости звука ударов по палатке от дождевых капель. Напор ослаб и постепенно перешел в мелкую, противную морось. Гром стал доноситься тише, а возбуждение у соседей по палатке стало резко подниматься. Они нервно смеялись, пытаясь не выказывать своего страха, и вспоминали, как кинулись врассыпную от костра. Но мне не давало покоя видение тени от стоящего рядом с палаткой не то человека, не то существа из потустороннего мира. И что досадно: никто из сидевших рядом не видел этой тени, а когда я спросил об этом, они только посмеялись надо мной, высказав версию, что это, скорее всего, была тень от дерева. Я сделал вид, что согласился с ними, но образ продолжал стоять в голове. Многократно эта вспышка прокручивалась в мыслях, не давая покоя. Махнув рукой на суету, творившуюся в палатке, я вновь отвернулся к стенке палатки. Мой мозг за сегодняшний день так загрузился, что тормозил со страшной силой и постоянно пытался отрубиться от внешнего мира. Это и позволило быстро заснуть.

Приснился мне удивительный по красоте сон. Я находился в дубово-каштановой роще, вокруг цвели огромные кусты южных цветковых растений. Пели птицы, порхали бабочки, над головой вились стрекозы, и вокруг ног во время ходьбы в разные стороны прыгали десятки стрекожущих кузнечиков. Я шел к большой поляне, на которой виднелись дома. Вдруг на дорожку навстречу мне выбежала женщина и радостно закричала, что я вернулся. Потом подбежала и стала добродушно трепать по волосам, прижимать к груди и со слезами на глазах тихо причитать. Я почувствовал сильное материнское тепло ее рук, ощутил мощную защиту от невидимых темных сил, чувствовавшихся в ближнем окружении, и попытался придумать слова для ее утешения. И вот я уже открыл рот, чтобы произнести их, как неожиданно появилось ощущение, что я получил пинок в зад, оступись и падаю.

Вздрыгнул, открыл глаза: темнота, стуча капель дождя по палатке не слышно, соседи уgomонились и мирно спят. Ближайший сосед в очередной раз взбрыкнул во сне ногой. Это, видимо, и стало причиной моего пробуждения, а я всё еще находился под впечатлением сна. Было желание дать оплеуху соседу, быстро лечь в ту же позу и, закрыв глаза, вернуться обратно в сон, но так не бывает. Я вновь заснул, но уже без прогулок по роще с кузнечиками.

Заозёрный

Проснулся утром от звука приближающейся моторки. Оказалось, что после грозы к нам отправили из лагеря делегацию из медика и завхоза, дабы узнать, всё ли у нас в порядке, а заодно привезти немного сухих дров и в бачке уже приготовленный в столовой завтрак в виде теплой манной каши и фляги с горячим какао. Они же понимали, что разжечь костёр самим и что-то приготовить на завтрак сейчас нам было достаточно проблематично. На утреннюю трапезу из палаток вылезал подмокший народ. Все обсуждали вчерашнюю вечернюю грозу, а я быстренько «замахнул» каши, запил какао и, узнав о распорядке сегодняшнего дня, пошел собираться для прогулки на гору. Решил, что пойду один. Звать из отряда никого не хотелось. Не нашел я в этой смене никого, кто бы стал настоящим другом. Видимо, это случилось потому, что я был один из своего района города, из своей школы, а новые приехали небольшими группами по три-пять человек из одного класса и сейчас дружили друг против друга. Смешно было наблюдать за мелкими разборками со стороны. Эти тем не так сказали, те не так сделали, эти едят много, те спят долго.

В общем, взял я с собой банку под ягоды, сунул в карман банку тушенки из сухпая, выданного каждому в начале похода, кусок хлеба положил в пакетик и в карман, отцовскую алюминиевую фляжку с водой, которую всегда беру с собой в лагерь, спички, завернутые в полиэтиленовой пленку, и складной ножик. Накинул ветровку с капюшоном из болоньевой ткани от внезапного дождя и, предупредив соседа по палатке, что к обеду могу не успеть, выдвинулся на поиск дороги к Заозёрному хребту. Тот было начал выпытывать, куда я пошел, но я сказал, что иду собирать чернику, и он отстал. Все к тому времени уже наелись по горло этой черникой, а ее сборы были обыденным действием.

Мой путь лежал вокруг Мухоринской бухты. Там по краю шла дорожка, и я, выйдя через лесок на нее, бодро зашагал вперед. Было утро, в бухте еще стоял плотный туман, в котором скрывалось всё, что находилось на расстоянии трех-четырех метров. Казалось, если шагнуть в это бело-серое марево, то окажешься в другом мире. Каком именно другом, хорошем или плохом, я еще не думал, мысли мои сейчас уже ушли дальше бухты, на гору. Дойдя до дальней, крайней точки бухты, я свернул в лес, там должна была проходить дорога вокруг озера. Низина, по которой пришлось пробираться, была мокрой и грязной от вчерашнего ливня. Чтобы не вымазаться в самом начале пути, пришлось обогнуть эту жижу, дав небольшой крюк по лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.